

Пандемия и криминализация общества: как помешать появлению порочного круга

Часть 2*

Мацкевич И. М., Бочкарева Е. В.**

Ключевые слова: коронавирус, криминология, преступность, личность преступника, мошенничество, домашнее насилие, кибербуллинг, киберпреступность, латентность, криминологический прогноз, противодействие преступности.

Аннотация. Цель статьи: рассмотреть международную ситуацию в части противодействия преступности в период пандемии вируса COVID-19.

Методы исследования: социологический, сравнительно-правовой, статистический, анализ, синтез, дедукция.

Результат: проведен сравнительный анализ состояния преступности и противодействия ей в России и за рубежом в период пандемии вируса COVID-19.

DOI: 10.21681/2226-0692-2020-4-60-65

Неблагоприятные последствия пандемии сказываются на экономике, социальном здоровье общества, межличностных взаимоотношениях и предсказуемо приводят к ухудшению криминологической ситуации как в России, так и во всем мире.

Пандемия — не единственная чрезвычайная ситуация, с которой столкнулось человечество за время своего существования. Однако исследования преступности во время катастроф различного характера, в том числе эпидемиологических и гуманитарных, в рамках криминологической науки начали проводиться относительно недавно. Сегодня сложно сопоставлять известные исторические факты (о которых, кстати, тоже много споров среди ученых) с объективной картиной преступности, существовавшей в далекое от нас время, и многие события приходится домысливать. Тем не менее с помощью исторических источников можно попытаться реконструировать криминологическую обстановку, например, во время чумы.

Эпидемия чумы для населения Европы в Средние века, конечно, была намного более масштабней, чем пандемия сегодня. И главное ее отличие заключалось в паническом настроении и упадке духа абсолютного большинства населения, которое не представляло себе, как

можно противостоять распространению заболевания. При этом необходимо учитывать, что уровень жизни и медицины населения Европы того времени несопоставим с аналогичными показателями XXI в.

Чумная эпидемия 1348 г. во Флоренции была средни апокалипсису, и многими воспринималась именно в таком контексте. Ожидая конца света, люди теряли остатки здравого смысла и предавались разврату, пренебрегая нравственными запретами и устоями. И отнюдь не случайно, что во время не только «губительной чумы», но и массовых эпидемий наблюдался рост преступности, учащались бунты и массовые, как сказали бы сейчас, беспорядки.

Так, 15 сентября 1771 г. «чумной бунт» вспыхнул в Москве [3]. Непосредственным поводом к беспорядкам послужило решение московского архиепископа Амвросия запретить массовые молебны, что было воспринято как произвол и желание «уморить» беднейшие слои населения, поскольку от чумы страдали в основном они (к началу восстания в день умирало до 1 тыс. человек). Около 10 тыс. москвичей вооружились дубинами, топорами и вилами и ворвались в Чудов монастырь в Кремле, подвергнув его разграблению. К восставшим присоединились бояре, купцы, подьячие и фабричные люди.

* Настоящая статья, посвященная изучению криминологических проблем, порожденных пандемией коронавируса COVID-19, является продолжением части 1, которая была опубликована в третьем номере настоящего журнала.

** *Мацкевич Игорь Михайлович*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник прокуратуры РФ, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры уголовного права и криминологии МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национально-исследовательский университет) имени И.М. Губкина, президент Союза криминалистов и кримиологов, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: Mackevich2004@mail.ru

Бочкарева Елена Вадимовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: Lena.bochkareva.lena@gmail.com

Начался хаос, должностные лица либо прятались, либо бежали из города. В этот критический момент генерал-поручик П.Д. Еропкин приказал стрелять из пушек картечью в восставших и идти на них в штыковую атаку. В результате более 100 человек были убиты на месте, еще более 300 — захвачены. Бунт на время стих, но все понимали, что недовольство населения может вылиться в новое восстание в любой момент.

Императрица Екатерина II направила в Москву своего верного фаворита Г. Орлова, который принял решительные меры по борьбе с эпидемией: были объявлены карантин, построены специализированные изолированные инфекционные больницы, поднято жалование докторам, определены места для захоронения умерших. Город разделили на 27 участков, на территории которых производился учет и изоляция больных. Добровольно выписанным из карантина и ушедшим на время эпидемии из Москвы мужчинам платили по 15 копеек в день, женщинам — по 10 копеек. Семейных людей, выписавшихся из больницы, награждали по 10 рублей, холостых — по 5 рублей. Эти материальные стимулирующие меры оказались наиболее эффективными в борьбе с чумой.

Сегодня пандемия коронавирусной инфекции воспринимается значительно более спокойно, чем эпидемия чумы, что не исключает недовольства большого количества людей тем, как политические руководители пытаются решить эту проблему.

В то же время и при эпидемии чумы (условно сконцентрируем внимание на этом массовом заболевании, абстрагируясь от других эпидемий в истории человечества), и при пандемии коронавирусной инфекции можно выделить следующие общие закономерности причин преступного поведения.

1. Потеря источника средств существования. Такая потеря — подлинная катастрофа для человека. При этом каждая потеря рабочего места — это потеря следующего рабочего места, примерно так, как рухнет строй фишек домино, которые поставлены на ребро (известный принцип домино). Стоит упасть одной фишке на другую, и процесс их общего последовательного падения становится необратимым, пока не упадет последняя фишка.

2. Психологическая неопределенность, паника. Общими для всех эпидемий являются случаи намеренного заражения здоровых людей носителем инфекции. Причины подобных поступков могут быть самыми разнообразными, от кратковременного помешательства или психического заболевания до хулиганского поведения и намеренной подготовки к совершению преступлений. При этом совершение преступления больным человеком на фоне заражения других людей можно объяснить попыткой ухода от реальности («после меня хоть потоп»).

3. Ослабление институтов государственного и общественного контроля. Заболеть может каждый, в том числе представители органов государственной власти и сотрудники правоохранительных органов. А оставшиеся у дел не всегда должным образом могут справиться с

текущими проблемами и тем более с теми, которые вызваны эпидемией.

4. Информационный вакуум. Отсутствие объективной информации об эпидемии порождает распространение слухов и домыслов и может являться первопричиной принятия неверных решений как руководителем того или иного уровня, так и рядовым гражданином, а также паники, массовых беспорядков и иного противоправного поведения.

5. Скрытые (тайные) корыстные устремления. Эпидемия может служить неким спусковым крючком для некоторых людей, которые при обычных условиях не стали бы совершать действия противоправного характера.

Попытаемся сравнить преступления, которые совершались в XIV в. во время эпидемии чумы, и которые совершаются сегодня, в период пандемии коронавирусной инфекции.

Исходя из разрозненных исторических фактов, можно сделать вывод, что во время эпидемии чумы чаще всего совершались грабежи и разбои — наиболее опасные корыстные преступления, связанные с насилием над личностью, а также мародерство, обладающее меньшей общественной опасностью, но самого низкого, если так можно сказать, «качества», поскольку характеризует отсутствие нравственных начал у преступника, забирающего, например, вещи из дома умершего от болезни человека или очищающего карманы умершего человека.

Сегодня мародеров значительно меньше, но, к сожалению, не потому, что нравственные принципы стали значительно выше, чем в Средние века, а потому, что имущество людей и их дома находятся в основном под более пристальным вниманием родственников заболевших и их соседей, а также сотрудников правоохранительных органов — если дом или квартира находятся по договору с Росгвардией или частными охранными организациями под охраной их сотрудников.

Во время современной пандемии, как свидетельствуют статистические данные, чаще других преступлений совершаются всевозможные мошенничества. Кроме того, преступники отслеживают тех, кто предпочитает находиться на самоизоляции, например, за городом, и совершают кражи, связанные с незаконным проникновением в их городские квартиры (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Таким образом, главными остаются преступления против собственности.

Исполнительный директор Европола К. де Боль в докладе “Pandemic profiteering: how criminals exploit the COVID-19 crisis” [1] назвала ряд причин¹, по ее мнению, порождающих преступные посягательства в период пандемии, в том числе:

- 1) значительный рост спроса на товары первой необходимости, медикаменты и средства индивидуальной защиты;
- 2) переход определенного количества граждан Евросоюза на дистанционный режим работы и учебы;

¹ См.: Pandemic profiteering: how criminals exploit the COVID-19 crisis // EUROPOL. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/pandemic-profiteering-how-criminals-exploit-covid-19-crisis> (дата обращения: 10.10.2020).

3) увеличение психологической нестабильности у некоторых категорий граждан, вызванной паникой перед новой вирусной инфекцией;

4) направленность усилий европейской полиции на стабилизацию ситуации, предотвращение массовых беспорядков и другие проявления массового недовольства граждан, а не на следственные действия в отношении конкретных преступников.

На основании информации, приведенной в докладе, можно предположить, что преступники в Евросоюзе адаптировались к новым социальным реалиям значительно быстрее, чем руководители государственных структур и сотрудники правоохранительных органов. При этом, как и во время эпидемии чумы, чиновники больше всего боятся потерять полученную власть. Об этом свидетельствует их предпочтение предотвращать массовые беспорядки, а не совершение преступлений против собственности граждан. Данным обстоятельством обусловлены спорадические действия должностных лиц во многих странах. Боясь народного гнева, они принимают неадекватные меры, а борьба с преступностью отходит на второй и даже на третий план.

Таким образом, пятой причиной преступных посягательств во время коронавирусной инфекции можно считать боязнь должностных лиц принимать ответственные решения, направленные на борьбу с преступностью.

Предложенная классификация указанных причин позволяет сделать вывод о достаточно пестром и разностороннем характере совершаемых в условиях пандемии преступлений. При этом какая-то их часть существенным образом сократилась (в России, например, сократилось число убийств и других особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан), а какая-то — заметно возросла. При этом следует отметить, что последние не вписываются в традиционную криминологическую картину состояния преступности. На это накладываются особенности криминогенной ситуации в разных странах. Ведь о чуме и о том, какие преступления тогда совершались, мы знаем в основном применительно только к Европе, а о преступлениях в период коронавирусной инфекции судим на основании данных со всего мира. Соответственно, оценить криминологическую ситуацию, складывающуюся в условиях пандемии, значительно сложнее, как и объяснить разнообразие преступных деяний, совершаемых в разных странах. Представляется, что причины преступлений в этих условиях обусловлены эффектом как бы двойного наложения особенностей обстоятельств, складывающихся в той или иной стране или регионе, на обстоятельства коронавирусной инфекции, которые, в свою очередь, влияют на социальную обстановку в конкретной стране.

Так, по данным экспертов, тайные маршруты незаконной регулярной транспортировки больших партий наркотиков (наркотрафик) расширились как в Российской Федерации, так и в Европейском союзе². Преступники стали использовать новые способы кон-

спирации перевозки наркотиков и других запрещенных веществ, приспособившись к условиям пандемии. Например, они отправляют наркотики в посылках, маскируя их под одноразовыми масками и перчатками. В начале пандемии высказывались надежды, что из-за перекрытия границ между государствами наркотрафик сократится, но оказалось, что грузовой товарооборот, с использованием которого происходит транспортировка большинства видов наркотиков, пострадал далеко не так сильно, как пассажирский³.

В связи с изменением социальных реалий увеличивается производство и потребление новых видов наркотиков, в том числе произведенных кустарным способом, что сказывается на здоровье наркозависимых граждан.

Рост незаконного оборота наркотиков приводит к увеличению прибыли главарей организованных преступных группировок, занимающихся их массовым производством и сбытом [7].

Если сложившиеся на данный момент реалии не претерпят существенных изменений, то можно предположить, что в скором времени существенно возрастет число преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем (ст. 174, 174¹ УК РФ). Кроме того, главарь организованной преступности, занимающиеся криминальной предпринимательской деятельностью, связанной с незаконным оборотом наркотиков, могут предпринять рейдерские атаки на предприятия, которые из-за пандемии оказались на грани банкротства. Очевидно, что в таком случае производственные мощности этих предприятий вряд ли будут направлены на достижение социально полезного результата.

В условиях пандемии и в Российской Федерации, и в Европейском союзе значительно возросло число цифровых мошенничеств (ст. 159³ (мошенничество с использованием электронных средств платежа), 159⁶ УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации)).

Предсказуемо растет преступность в сфере компьютерной информации [2] (гл. 28 УК РФ). По данным МВД России, число преступлений, совершенных в нашей стране с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличилось на 94,6%, в том числе число таких преступлений, повлекших тяжелые последствия, а потому признанных тяжкими и особо тяжкими — на 129,7% (ч. 4 и 5 ст. 15 УК РФ)⁴. Существенно возросли преступления в банковской и кредитно-финансовой сфере (ст. 172 (незаконная банковская деятельность), 172² (организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества), 176 (незаконное получение кредита), 183 (незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну), 187 (неправомерный оборот средств платежей), 195 (неправомерные действия при банкротстве), 200¹ (контрабанда

³ См.: EU drug markets: impact of COVID-19 // EUROPOL. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/eu-drug-markets-impact-of-covid-19> (дата обращения: 10.10.2020).

⁴ См.: Статистика и аналитика Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20901417/> (дата обращения: 10.10.2020).

² См.: На острие иглы // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/06/28/kak-pandemiia-povliiala-na-oborot-narkotikov-v-rossii-i-v-mire.html> (дата обращения: 10.10.2020).

наличных денежных средств и (или) денежных инструментов) УК РФ).

Так, расчетные (пластиковые) карты использовались в криминальных целях почти в шесть раз чаще, чем годом раньше, а средства мобильной связи — чаще более чем в два раза.

В целом возможности несанкционированного доступа преступников к материальным и финансовым ресурсам расширяются во всем мире. Только прямой финансовый ущерб от преступлений в сфере компьютерной информации составил более 600 млрд долл. США, а ущерб с учетом потерь репутации, срыва сделок и упущенной выгоды — 3 трлн долл. США [6, с. 41].

В упоминавшемся выше докладе К. де Боль отмечаются общая негативная тенденция, связанная с ростом цифрового мошенничества, о котором, на наш взгляд, следовало бы говорить как о преступлениях, совершенных в Интернете и при помощи Интернета. Эта тенденция подкрепляется соответствующими статистическими данными и может быть объяснена переходом многих элементов обычной жизни в Интернет, к которым относится: а) образование, включая платные образовательные курсы по дополнительному образованию; б) покупка одежды и аксессуаров; в) покупка и доставка продуктов; г) покупка и продажа автомобилей и даже домов и квартир.

Мошенники создают так называемые фишинговые сайты (англ. fishing — рыбная ловля, выуживание), полностью дублирующие официальные страницы легальных сайтов, и похищают либо деньги со счетов жертв, либо персональные данные жертв, используя их потом в своих целях.

В США во время пандемии коронавируса едва ли не самая актуальная социальная и криминологическая проблема оказалась связана с так называемыми преступлениями ненависти [4, с. 338—348] (Федеральный акт Мэттью Шепарда и Джеймса Бёрда, приравнивавший гомофобию, трансфобию и сексизм в качестве мотивов нападений на человека к расизму и национализму, был подписан Президентом США Бараком Обамой в 2009 г.), обусловленными социальной нетерпимостью⁵. Вопросы толерантности, которые совсем недавно политические руководители США объявили полностью решенными, пандемия вернула в повестку дня. Эти вопросы спровоцировали массовые беспорядки, сопровождающиеся многочисленными актами насилия и совершением, в том числе, убийств.

Некоторые граждане США азиатского происхождения подвергались травле в реальной жизни и в Интернете, становились жертвами физического и психологического насилия только потому, что первый случай COVID-19 был выявлен в Китае. Определенную роль сыграла и антикитайская политика администрации президента США Д. Трампа. Под воздействием государственной пропаганды граждане США всерьез полагали, что люди азиатской внешности являются потенциальными переносчиками инфекции.

⁵ См.: FBI warns of potential surge in hate crimes against Asian Americans amid coronavirus // ABC News. URL: <https://abcnews.go.com/US/fbi-warns-potential-surge-hate-crimes-asian-americans/story?id=69831920> (дата обращения: 10.10.2020).

В России подобных случаев массовой социальной сегрегации лиц определенной национальности не было, однако утверждать, что проблем, связанных с национальными предрассудками, в том числе в криминологических аспектах, у нас нет, по крайней мере наивно.

В некоторых регионах Южной Америки пандемия коронавируса привела к определенному снижению контроля за традиционными видами преступности. Так, в Бразилии были ослаблены полицейские меры борьбы с рабством⁶, вследствие того, что основные силы сотрудников правоохранительных органов были направлены на охрану общественного порядка, недопущение паники и мародерства. Реакцией на такое ослабление стало увеличение числа преступлений, направленных на незаконное лишение свободы граждан и на использование подневольного труда. Масштабы подобных преступлений сейчас не поддаются точному учету, поскольку в Бразилии уровень преступности один из самых высоких в мире.

Учитывая сказанное, не следует пренебрегать потенциальной угрозой распространения работорговли и подневольного труда в России (ст. 127¹ (торговля людьми), 127² (использование рабского труда) УК РФ).

Еще одна социальная и криминологическая проблема, обострившаяся в период пандемии, касается домашнего насилия [8—10]. Эта проблема: а) латентная; б) имеет давние негативные исторические традиции; в) связана с вопросами культурологии и этническими и национальными особенностями регионов; г) не поддается простому решению.

При ближайшем ее рассмотрении можно выделить расхождение официальных статистических данных в России и в других странах. Так, Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в официальном обращении на своей странице в Твиттере заявил, что мир столкнулся с волной домашнего насилия и во многих странах число обращений женщин в службу поддержки увеличилось вдвое⁷. «Страны сообщают об увеличении в апреле на 60% по сравнению с прошлым годом количества экстренных звонков со стороны женщин, которые подверглись домашнему насилию со стороны своих партнеров», — отметил глава европейского подразделения Всемирной организации здравоохранения, доктор Х. Клюге⁸. По данным МВД России, в нашей стране «зафиксировано снижение на 9,5% количества преступлений, совершаемых в результате семейно-бытовых конфликтов, в том числе на 13,6% стало меньше фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 11,8% — средней тяжести и на 7,4% — легкого вреда здоровью»⁹.

⁶ См.: This is the impact of COVID-19 on modern slavery // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/covid19-modern-slavery/> (дата обращения: 10.10.2020).

⁷ См.: официальный Твиттер Генерального секретаря ООН А. Гутерриша // URL: <https://twitter.com/antonioguterres/status/1246973397759819776> (дата обращения: 01.10.2020).

⁸ См.: ВОЗ сообщила об усугублении проблемы домашнего насилия в Европе во время самоизоляции // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/707677> (дата обращения: 01.10.2020).

⁹ См.: Статистика и аналитика Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20901417/> (дата обращения: 10.10.2020).

Однако, как показывают регулярно проводимые по этой проблеме исследования, в том числе в рамках Московского криминологического кабинета, количество реальных случаев домашнего насилия в России значительно выше числа официально зарегистрированных обращений. Расхождение в статистической информации возможно из-за отсутствия у многих жертв домашнего насилия безопасного способа подачи официальных заявлений в правоохранительные органы и соответствующие центры социальной поддержки. Кроме того, известна пассивная позиция сотрудников правоохранительных органов, когда они вынуждены реагировать на жалобы жертв домашнего насилия и приезжать в дома и квартиры, где происходят семейные конфликты. Справедливости ради следует отметить, что принять какие-либо действенные меры они не в состоянии, и конфликт может казаться улаженным, пока полицейские находятся на месте событий. Не способствовало решению проблемы домашнего насилия решение о декриминализации побоев (ст. 116 УК РФ) в отношении близких лиц. Логика законодателя, согласно которой такие действия являются административным правонарушением и не следует искусственно увеличивать число лиц, имеющих судимость (в ст. 116¹ УК РФ предусмотрен механизм административной преюдиции, при этом указание на потерпевшего как на близкого родственника, т. е. члена семьи, отсутствует), на деле обернулась безнаказанностью домашних насильников, которые теперь могут быть привлечены к уголовной ответственности только в том случае, если в результате побоев их жертва получит тяжелые физические увечья.

Подводя итоги, можно отметить следующее.

1. Распространение преступлений, которые совершаются в других странах в период пандемии коронавирусной инфекции, необходимо внимательно изучать и экстраполировать их возможные последствия на Россию.

2. Необходимо анализировать опыт борьбы с преступлениями в период пандемии в других странах и сопоставлять его с результатами собственной работы в этом направлении. Мониторинг правоприменительной практики должен быть постоянным, а в условиях пандемии его следует проводить особенно тщательно (возможно, алгоритм его проведения следует пересмотреть, но это отдельная тема).

3. В условиях пандемии складываются новые общественные отношения, которые оказывают прямое и опосредованное влияние на преступность. Широкое распространение получили новые формы межличностного общения, в которых активное участие принимает виртуальный посредник — Интернет.

4. Правоохранительные органы вынуждены пересматривать очередность выполнения закрепленных за ними функций. На первое место выходят функции обеспечения стабильности действия органов государственной и прежде всего исполнительной власти — функции охраны. Соответственно, задачи по борьбе с преступностью становятся если не второстепенными, то не главными.

5. Нет ни одной страны, законодательную систему которой можно было бы признать отвечающей современным вызовам пандемии.

Пандемия коронавирусной инфекции продолжает развиваться. Скорее всего, сбудутся пессимистические прогнозы относительно уровня и времени ее распространения. Исходя из этого, можно предположить следующие тенденции в сфере преступности:

1) продолжит увеличиваться число преступлений, направленных против собственности, особенно в Интернете и с его использованием;

2) увеличится число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (будет расширяться сеть наркотрафика);

3) произойдет рост домашнего насилия;

4) существенно возрастет преступность в кредитно-финансовой сфере, что станет особенно актуально на фоне практически неизбежного банковского кризиса;

5) латентность преступности примет объемы, близкие к гиперлатентности.

Таким образом, изменение состояния преступности в период пандемии COVID-19 не является чем-то новым для человечества. Мир много раз переживал эпидемии, и пандемия коронавирусной инфекции — не первая и не последняя в этом списке. В то же время еще никогда человечество не находилось в состоянии эпидемии в условиях глобального информационного единства и значительной взаимозависимости от экономических последствий действий каждой отдельно взятой страны.

Парадоксально, что при этих обстоятельствах действие факторов, присущих любой эпидемии, в том числе эпидемии чумы, которую мы рассматривали в качестве условного образца для сравнения, остается неизменным. Наглядным подтверждением этому является рост противостояния и конфликтов как внутри многих стран, так и между отдельными странами. Напряжение нарастает в целых регионах, и это происходит на фоне увеличения криминогенной опасности. Так было во времена всех эпидемий, и вряд ли это случайность.

С сожалением приходится признать, что пандемия коронавирусной инфекции не объединила мир.

Литература

1. Давыдов В.О. Спекуляция пандемией: как преступники используют кризис COVID-19 (по материалам доклада исполнительного директора Европол К. Де Боль “Pandemic Profiteering: How Criminals Exploit The COVID-19 Crisis”) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. С. 19—25.
2. Зорин Д.Н. Пандемия как фактор, способствующий совершению преступлений в IT-сфере // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 138—139.
3. История Москвы : в 6 т. / АН СССР. Ин-т истории. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952—1959. Т. 2: Период феодализма. XVIII в. 1953. 742 с.
4. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Covid-19: предчувствие апокалипсиса. Хроника океанной пандемии. («Коллекция Изборского клуба»). М. : Книжный мир, 2019. 448 с.
5. Мацкевич И.М., Бочкарева Е.В. Пандемия и криминализация общества: как помешать появлению порочного круга. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2020. № 3. С. 81—87.
6. Минаков В.Ф., Шепелёва О.Ю., Лобанов О.С. Многофакторная модель обеспечения безопасности конфиденциальных данных // Правовая информатика. 2020. № 1. С. 40—46.
7. Crime and contagion. The impact of a pandemic on organized crime: Policy brief. URL: <http://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2020/03/GI-TOC-Crime-and-Contagion-The-impact-of-a-pandemic-on-organized-crime-1.pdf>
8. Dave M., Patel N. Domestic violence during the Covid-19 pandemic. URL: http://www.researchgate.net/publication/341219686_Domestic_violence_during_the_covid-19_pandemic
9. Gerell M., Kardell J., Kindgren J. Minor Covid-19 association with crime in Sweden. URL: <https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40163-020-00128-3>
10. Halford E., Dixon A., Farrell G., Malleson N., Tilley N. Crime and coronavirus: social distancing, lockdown, and the mobility elasticity of crime. URL: <https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40163-020-00121-w>

Рецензент: *Рыбаков Олег Юрьевич*, главный редактор журнала «Мониторинг правоприменения», доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия.

E-mail: ryb.oleg13@yandex.ru

